

РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Российская «псевдоэлита» и ее идентификация в мировом и национальном контекстах

О.И. ШКАРАТАН

Очевидно, что интересы продуктивных групп российского общества (национальной буржуазии, профессионалов, квалифицированных рабочих) состоят в модернизации страны, построении современной индустриальной и частично постиндустриальной экономики. Но это возможно лишь при поддержке такого проекта правящей элитой. Однако и интересы этой элиты, и ее базовые ценности не совпадают с этим большинством активной части общества.

Правящий слой в России формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего, газа и нефти, алмазов, металла, леса. Эти владельцы и экспортеры отечественных сырьевых ресурсов относятся к разряду «компрадоров-буржуа», чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов. Среди признаков российской компрадорской элиты (и бизнесменов, и чиновников) присутствуют: потребительское отношение к национальным ресурсам (как сырьевым, так и людским), прямая зависимость от иностранного капитала и иностранных центров политического влияния, перевод большей части прибыли в зарубежные активы.

Российской элите не присущи гражданственность и государственное мышление, она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы. Ядро элиты сплачивает отказ от ожидаемой страной смены экономической парадигмы с рентоориентированного поведения к поведению, направленному на инновационные преобразования в экономике. В социальной сфере правящие группы сопротивляются смене доминирующей модели (восприятие населения как возобновляемого ресурса, численно избыточного в условиях сырьевой экономики, и преобладание престижного потребления зарубежных благ и услуг) на принятую в цивилизованном мире парадигму: население – это человеческий потенциал, который является стратегическим ресурсом создания модернизированной страны и возобновляемых экономических благ. В политической сфере российская элита упорно придерживается идеи священности власти и ее носителей при восприятии народа как объекта (а не субъекта) управления и политтехнологических манипуляций. Она сопротивляется переходу к оцениванию власти как выразителя и арбитра плюралистических интересов основных групп населения страны, этическим императивом повседневного поведения которой выступает рациональное самоограничение. Эта элита сочетает антизападничество и особенно антиамериканизм со стремлением уподобиться западной элите, войти на равных в ее состав. В отличие от западной элиты отечественные правящие круги селекционируют свой состав, опираясь не на меритократические критерии, а на медитократические.

Ключевые слова: элита, номенклатура, компрадоры, интересы, базовые ценности, рентоориентированное поведение, меритократизм, медитократизм, престижное потребление

Формирование высших слоев постсоветского общества

Логичнее всего было бы начать с определения критериев выделения элиты, тем более что в среде ученых, посвятивших себя изучению верхов современного российского общества, существуют многочисленные разночтения в трактовке этого понятия. Наиболее значительным из этих редакций является, пожалуй, наличие двух основных подходов к определению элиты: властного (элита как совокупность людей, наделенных реальной властью в обществе) и меритократического (элита как совокупность наиболее ярких личностей, обладающих особыми достоинствами). Как стороннику структуралистского подхода к анализу общества мне, безусловно, ближе первый подход. Однако мы не можем игнорировать и меритократическое восприятие категории «элита», ведь оно отражает важные стороны реальности. Совокупность людей, наделенных реальной властью в обществе, можно именовать и иначе – например, номенклатурой (именно так в мировой литературе обозначали советские правящие круги). В целях дальнейшего анализа мы считаем необходимым наряду с традиционным разделением понятий правящей элиты и господствующих классов (слоев), ввести дополнительное разделение категорий **властвующих групп (группы) – родовое понятие и правящей элиты и господствующих классов (слоев) – видовые понятия.**

В литературе к элите обычно относят высший привилегированный слой общества, являющийся властвующим меньшинством, осуществляющий функции управления и прошедший публичный тест в конкурентной системе отбора; членами элиты являются представители высших кругов, управляющих главными институтами в трех основных сферах жизни любого общества или государства – экономике, политике и армии. Соответствующим образом в составе элиты можно выделить следующие группы: политическую и административную, экономическую, военную: реже к ней добавляют профсоюзную, информационную (массмедиа) и научную. Решения, принимаемые представителями элиты, имеют значимые для всего общества последствия, поэтому ее важнейшей социальной задачей является выработка приоритетов в развитии и контроле за их выполнением через утверждение определенных социальных норм и создание соответствующих образцов поведения для других социальных групп. Именно в связи с этим к элите общества относится часть общества, состоящая из наиболее авторитетных людей, которая является той референтной группой, на ценности которой ориентируется общество. Это, как отмечает Г.К. Ашин, или носители традиций, стабилизирующих общество, или (обычно в кризисных ситуациях) – наиболее активные пассионарные, инновационные группы населения [Ашин Г.К. Курс истории элитологии // www.gumer.info/bibliotek_bus/Polit/Ashin/04; Дюка 2001].

Во втором случае (господствующий класс/слой) речь идет о наиболее влиятельных социальных группах, представители которых владеют крупной собственностью, занимают привилегированное материальное положение или обладают престижными для данного типа общества профессиями. В действительности эти группы контролируют или, по крайней мере, оказывают решающее влияние на характер производства, распределения и обращения экономических благ в обществе.

В свою очередь, это обеспечивает способность господствующего класса формировать и определяющим образом влиять на деятельность правящей элиты, в то время как последняя использует господствующий класс как своего рода опору в принятии политических решений. Таким образом, элита выделяется по критерию позиции во власти, а господствующий класс по генеральному критерию – обладанию собственностью. Пересечение и взаимодействие институтов власти и собственности и предопределяет характер отношений «элита – господствующий класс».

В принятой нами в данной публикации трактовке к элите относится высший привилегированный слой общества, являющийся властвующим меньшинством, осуществляющий функции управления экономикой и политикой. Элита выделяется по критерию позиции во власти и обладанию собственностью, а пересечение и взаимодействие институтов власти и собственности и предопределяет характер элиты.

В обществах советского типа, как известно, институты власти и собственности разделены не были. На основе этих властесобственнических отношений сложился господствовавший и в экономике, и в политике единый целостный слой этакратии (номенклатуры), который одновременно представлял собой и высший слой в стратификационной иерархии, и властвующую элиту в государстве. В трансформационный период, начиная с 1980-х гг., стала перестраиваться, но не рушиться взаимосвязь «власть-собственность». Это предопределило и становление современных российских правящих слоев, которые обычно именуют «национальной элитой», их преемственность по отношению к советской номенклатуре и существенное различие с западной элитой, их медитократический характер. Иную позицию см., например, в [Lane, Ross 1998].

Медитократические основания российского и других обществ современного этакратизма приводят не только к сохранению, но и к усилению доминирования принципа наследования материальных богатств и социальных связей, к умножению материальных и культурных преград на путях социального продвижения выходцев из низов и динамичных представителей среднего класса.

В процессе распада СССР государственными чиновниками была, прежде всего, приватизирована экономическая инфраструктура, т.е. управление промышленностью, банковская система и система распределения. Практически весь директорский корпус остался на своих местах, а лидеры министерств и ведомств либо получили крупные посты в исполнительных органах власти, либо возглавили концерны и банки национального масштаба. Главным же достижением директората и высшей отраслевой бюрократии стало обеспечение наилучшего для себя варианта реформ: они сумели избежать как либерального варианта приватизации (массовой свободной распродажи госсобственности на открытых аукционах), так и ее популистски-демократического варианта (равномерный раздел между всеми гражданами). В результате директора добились возможности приобретать крупные пакеты акций своих предприятий по закрытой подписке, а в некоторых случаях становиться их полными владельцами. «Незавершенность реформ позволяла им сохранять источники ренты, несмотря на ущерб, наносимый остальной экономике и обществу» [Яковлев 2003, с. 71]. Одновременно эти люди вошли в состав политической верхушки страны и контролируют мощные финансово-промышленные группы.

Сохранились и укрепились, правда, в новой оболочке присущие этакратическому обществу слитные отношения «власть-собственность», хотя они и существуют с частным бизнесом. В России возобладали отношения дистрибуции (в терминах К. Поланьи), а не современного цивилизованного рынка. Властные взаимосвязи с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя сохранили свое доминирование над отношениями частной собственности. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений подмят под себя государственно-бюрократическими структурами, а последние успешно взаимодействуют как с государственными монополиями, так и с частными структурами, обеспечивающими государственно-бюрократический порядок («вертикаль» неэтакратического устройства страны) [Барсукова (1) 2006, с. 135–144; Барсукова (2) 2006, с. 5–14].

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через «вертикаль власти», вновь стали основными акторами экономической и политической сцены и подчинили себе крупный российский бизнес, который утратил свою частную и капиталистическую сущность. Не случайны «успехи» власти по умножению числа миллиардеров и фантастическому росту их активов. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что уполномоченные властвующими быть миллиардерами променяли возможность напрямую участвовать во власти на положение политически немощных богатейших в мире людей – социальную опору режима.

По суждению социолога Л.Д. Гудкова, власть в России стала институтом консервации целого, «поскольку она базируется не на репрезентации многообразия социальных форм и социальных значений (групповых или корпоративных интересов), а напротив, на дисквалификации любого Другого в сравнении с собой, вытеснения с публичного поля любых альтернативных авторитетов и источников влияния, что, собственно, и представляет собой воплощение насилия, т.е. подчинение всех монопольному авторитету держателей власти» [Гудков 2009, с. 26].

Основная часть национального богатства сосредоточена в руках государства. Более привычными становятся крупные государственные компании с многочисленными миноритарными акционерами, практически исключенными из управления. Несколько выше цитированный аналитик нашей современной экономики А.А. Яковлев обескуражено констатировал: «Складывается ощущение, что в России постепенно восстанавливается – хотя и в более «рыночных» и «демократических» формах – та иерархическая система, которая была характерна для советского времени и которая гасила импульсы к изменениям и к развитию, исходящие не из центра или не согласующиеся с его установками» [Яковлев 2006, с. 345].

Происхождение российских крупных собственников во многом определило особенности их сознания и поведения. Главное качество их состоит в сочетании черт бывших партийно-советских аппаратчиков со свойствами обычных бизнесменов. Сохраняющиеся аппаратные качества позволяют ориентироваться в сложной российской ситуации, что и делает их конкурентоспособными. Старые связи, навыки управления помогают решать новые задачи, хотя далеко не всегда наилучшим образом (поскольку они накоплены в других условиях). Есть немало примеров неэффективности номенклатурных бизнесменов, их стремления сохраниться

в тени неконкурентного квазирынка. Пожалуй, главное состоит в многолетнем сопротивлении определенной части номенклатурного капитала становлению малого и среднего, особенно венчурного предпринимательства [Шкаратан 2009].

К концу первого постсоветского десятилетия в верхней части пирамиды богатства оказались россияне, чье состояние – результат неоправданной приватизации ренты на природные ресурсы. Никто из них не прославился наподобие Генри Форда и Билла Гейтса созданием новых видов продукции или технологий. Почти все русские миллиардеры – представители **рентополучающей элиты**. Конечно, в большинстве случаев из них не сформировались нормальные экономические агенты, адекватно действующие в рыночной конкурентной среде. Эти квазикапиталисты – прямое продолжение номенклатурных акторов административного рынка [Кордонский 2000].

Один из видных деятелей бизнес-сообщества, президент промышленной группы МАИР В.Н. Макушин так охарактеризовал новый «класс» крупных собственников: «В России ... олигархи назначались, а не становились олигархами благодаря цивилизованной конкурентной борьбе. Поэтому мы получили такой бизнес-класс, который не способен конкурировать с таким же бизнес-классом Европы или Америки. Он у нас по качеству гораздо хуже. Наш бизнес-класс сформирован во многом на разворовывании государственных средств, а не путем жесткой, но цивилизованной конкуренции» [Финансовые известия, 4. 04. 2002]. Кстати сказать, данный аргумент нередко ускользает от внимания тех, кто в целях оправдания губительных реформ начала 1990-х гг. пытается отождествлять период первоначального накопления капитала в развитых промышленных странах с периодом разграбления национальной собственности в России после краха СССР.

В канун кризиса 2008–2009 гг. 500 самых богатых людей России владели состоянием 715,3 млрд долл., что составляло более половины ВВП в 2007 г. Если же взять только первую десятку лидеров этого списка, то их совокупное богатство превышало 221 млрд долл. И если в США на одного миллиардера приходилось 730 тыс. чел., то в России – 1,4 млн чел. [Московский комсомолец, 18.02.2008]. При этом Москва оказалась на первом месте в мире по числу проживающих в ней миллиардеров – 74 чел. (в Нью-Йорке – 71) [Известия, 7.03.2008].

По мнению профессора О.В. Крыштановской, принадлежность этой бизнес-элиты к правящей группе общества обусловлена не только ресурсами, которые она контролирует, но и ее происхождением из старой советской номенклатуры, ее младшего поколения. Эти люди владеют ведущими предприятиями и банками России и в то же время влиятельны в обществе и в какой-то мере в политике [Крыштановская (1) 2002].

Многие российские аналитики считают (и я с ними согласен), что за все постсоветские годы доля государства в получении природной ренты чрезмерно мала. Доля государства в присвоении доходов от добычи нефти колеблется в других странах на уровне от 70 до 90%. В России эта доля составляла (до кризиса) лишь 34%. Это один из тех рекордов, который наша власть не стремится афишировать [Куликов 2007]. К тому же не предпринято ни одной попытки получить большую долю ренты от других природных ресурсов (металлургия, лесозаготовки, целлюлозно-бумажное производство, земельные ресурсы в пригородах мегаполисов и т.д.).

Именно рента от использования всех видов природных ресурсов, которая в сегодняшней России составляет 75% общего национального дохода, может послужить источником экономического подъема и социального прогресса страны.

Западные коллеги обычно удивляются, узнав, например, что с дивидендов наши богатые люди платили до недавнего времени всего 4% (с 2007 г. – 9%, *О.Ш.*). Рядовой труженик с зарплаты платит 13% подоходного налога, а, скажем, Р.А. Абрамович со своего дивидендного миллиарда – только 9%. Такого рая для миллиардеров нет, наверно, ни в одной развитой стране. И это далеко не все послажки, которые дозволены крупным собственникам и богачам из чиновного сословия. Обычным явлением еще с 1990-х гг. стал вывод денег в оффшоры. И одно дело, когда через оффшоры оформлены 2–3% собственности как в США или странах ЕС, и совсем другое дело, когда таким образом избегают национального налогообложения все «равноудаленные» олигархи. За последние годы они, по большей части, получили статус налоговых резидентов в самых благополучных странах Европы. Недаром возникает вопрос: то ли это «наша» элита, то ли уже «их», зарубежная. В целом же можно оценить российскую налоговую систему как не способствующую в должной мере развитию национально ориентированного производства и внутреннему потреблению граждан.

Только целевой установкой перераспределения общественных благ в пользу богатых можно объяснить отсутствие в нашей стране таких важных налогов, воплощающих в себе принципы социальной справедливости и социальной ответственности, как: налога на предметы роскоши; налога на наследство; налога на недвижимость, обладающую повышенной рыночной стоимостью (особенно – изъятие в пользу общества доходов рентного характера от городских и пригородных земель в Москве и других мегаполисах); прогрессивного подоходного налога и т.д. Другими словами, получается, что элита имеет своеобразную налоговую неприкосновенность.

По характеру налоговой политики можно судить о подлинной направленности политики правящей элиты. Гж.В. Колодко писал по этому поводу: «Трудно найти более подходящий пример, чем псевдонаучные дебаты о так называемом линейном (плоском) налоге. По существу, речь идет о снижении налогов для узкой группы «благотворителей» путем перекалывания издержек на группы с низкими доходами (цель подлинная). А провозглашается (или в данном случае лгут, или кто-то только ошибается, так как по-прежнему не понимает, в чем дело) цель иная – создание лучших условий для формирования капитала и инвестирования (цель декларируемая)» [*Колодко* 2007, с. 49].

Компрадоры как ядро российской элиты

Очевидно, что интересы продуктивных групп российского общества (национальной буржуазии, профессионалов, квалифицированных рабочих) состоят в модернизации страны, ее переходе от состояния сырьевого придатка по отношению к ядру мир-системы к построению современной индустриальной и частично по-

стиндустриальной экономики. Но это возможно лишь при одном неперенном условии – поддержке такого проекта правящей элитой. Однако и интересы этой элиты, и ее базовые ценности не совпадают с устремлениями этого большинства активной части общества.

Состав правящей элиты предопределен характером экономики: экспортный оборот страны на 85% сформирован за счет продажи нефти, газа и других полезных ископаемых; а доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте – всего лишь 12,5%. Соответственно правящий слой формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего, газа и нефти, алмазов, металла, леса. Эти владельцы и экспортеры отечественных сырьевых ресурсов, как справедливо отмечают многие авторы, относятся к разряду «компрадоров-буржуа», т.е. предпринимателей, чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов.

В период 2000-е гг. рентополучающий бизнес потерял ведущие позиции в обществе: их представители остались в элите, но на вторых ролях; первые же роли, определяющие позиции, заняли чиновники. Представители рентополучающего бизнеса лишились возможности напрямую участвовать во власти, а абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов и, прежде всего, над стратегическими отраслями экономики, включая производство и экспорт национальных ресурсов, как и в советские времена, вновь оказался сосредоточенным в руках политического руководства страны и высших чиновников государства.

По мнению специалистов, среди признаков российской компрадорской элиты (и бизнесменов, и чиновников) присутствуют: потребительское отношение к национальным ресурсам (как сырьевым, так и людским), прямая зависимость от иностранного капитала и иностранных центров политического влияния, перевод большей части прибыли в зарубежные активы. Принцип деятельности этой доминирующей части компрадоров состоит в минимизации расходов на все, что не способствует прямо и немедленно росту текущих прибылей. К тому же следует принять во внимание, что крупные экспортеры минерального и природного сырья, а также обслуживающие их крупные финансисты не ощущают под собой твердой правовой опоры ввиду спорной легитимности приватизированной собственности на природные ресурсы: недаром многие из них стремятся выгодно продать свой бизнес, переводя капиталы на Запад. Эта группировка крупных собственников и контролирующих их представителей высшего чиновничества придерживается ультралиберальных, отчетливо антиэтатистских взглядов.

Еще одна и ныне самая влиятельная группа компрадоров – это государственники, контролирующие газовый и нефтяной экспорт. Эти люди сохраняют все черты классических компрадоров, поскольку ставят запросы внешнего рынка выше интересов национального развития. Заметим, что за последние 20 лет в стране не было открыто ни одного значительного месторождения газа и нефти. У всех этих группировок компрадорской направленности нет надежной, по-настоящему долгосрочной социальной поддержки внутри страны [Сафронов 2007; Сафронов 2009].

Другой привилегированной группой общества, помимо крупных собственников, в период ельцинизма стало, точнее, сохранило и укрепило свои позиции российское чиновничество, прямое продолжение советской номенклатуры. Оста-

новимся на некоторых характеристиках административно-политического руководства современной России. На протяжении 1990-х гг. в его составе как на национальном, так и в еще большей мере на региональном уровне сохранили свой статус и даже его повысили более половины выходцев из советской номенклатуры.

После недолгого пребывания на ведущих позициях в федеральном правительстве, демократические деятели из «августовской» волны 1991 г., выдвинувшиеся на митингах и в парламентских схватках, были заменены «старыми» кадрами из более молодых представителей номенклатуры, как тогда выражались, к власти пришли «вторые секретари». Уже к 1994 г. административно-политическая верхушка более чем на 60% состояла из бывшей советской номенклатуры; лишь около 22% – это были, на первый взгляд, новые люди. Но немалое число этих неофитов в политических верхах вышло из семей, принадлежавших к элитарным группам в прежней властной иерархии [Ершова 1994]. По оценкам других экспертов с начала перестройки и до конца 1990-х гг. обновление кадрового состава руководства страны составило не более 20–30% [Гудков, Дубин, Левада 2007, с. 38]. Для сравнения, в посткоммунистических Венгрии и Польше в 1993 г. соответственно лишь 25% и 15% представителей старой номенклатуры занимало высшие государственные посты [Яковлев 2003, с. 51]. Неудивительно, что трансформационные траектории этих стран демонстрируют совсем иную динамику, чем наша собственная.

За 2000-е гг. произошло массовое смещение в пользу выходцев из специальных служб, и на сегодняшний день эти бывшие советские офицеры КГБ занимают позиции губернаторов, руководителей парламентов, крупнейших государственных корпораций как в сырьевом секторе экономики, так и в военно-промышленном и т.д. Возвращение к власти этого слоя бюрократии было неизбежно, ибо именно офицеры спецслужб были остоном теряющей контроль над обществом власти, той же самой бывшей советской власти, опирающейся по-прежнему на бюрократический аппарат. Попытки так называемых олигархов подмять под себя государство, стать всевластными хозяевами страны, где доминируют частные интересы, провалились. Начался процесс восстановления вертикали власти. Опорой послужила каста выходцев из спецслужб, сохранившая государственный менталитет в условиях полного и всеобщего разложения и деградации других групп советской бюрократии. Если в составе «ельцинской» элиты в 1993 г. лиц с учеными степенями было 52,5%, то в «путинской» элите (2002 г.) – 20,9%; соответственно лиц с военным образованием – 6,7% и 26,6%; прямые ставленники бизнеса – 1,6% и 11,3%. К элите при этом были отнесены члены Совета Безопасности РФ, депутаты обеих палат Федерального Собрания РФ, члены правительства РФ, главы субъектов Федерации. В последующие годы процент выходцев из спецслужб несколько вырос. Так, в составе правительства М.М. Касьянова (2000–2004 гг.) их насчитывалось 33%, а в правительстве В.В. Путина (2008 г.) – 43%, что дало возможность ликвидировать угрозу государству со стороны непомерно усилившихся к концу 1990-х гг. олигархов. Однако сами силовики в нулевые годы, сняв угрозу государству от олигархов, сами распались на группы со своими клановыми интересами. Общегосударственное уступило место корпоративному, публично-частному. [Крыштановская (2) 2002, с. 161; Пастухов 2009; Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011, с. 76].

Добавим, что немалое число неопитов в политических и административных верхах являются выходцами из семей, принадлежавших к элитным группам в прежней властной иерархии. В кругах старшего поколения чиновников широко (и оправданно) распространена точка зрения, что эти новые лица привносят неоправданную коммерциализацию, стремятся использовать властные органы для защиты интересов своих компаний и корпораций и для прямой коррупции [Чирикова 2003; Чирикова 2008].

Не менее значимые выводы следуют и из результатов исследования высшего слоя российской бюрократии, проведенного Институтом экономики РАН в 2007 г. Данные результаты были получены в ходе интервью с самими чиновниками и представляют своего рода «автопортрет». Так, весьма любопытным наблюдением является проводимая чиновниками незримая грань, отделяющая «обычного чиновника» от представителя «властной элиты», которая проходит на уровне должности «начальника отдела» и «замдиректора департамента». Характерно, что эта же грань, кроме того, определяет предел возможностей для карьерного роста большинства рядовых работников аппарата власти: то есть компетенции, квалификация и прочие профессиональные качества работников с определенной должностной ступени уже не имеют принципиального значения, и главным фактором мобильности внутри «элиты» становятся социальный капитал и лояльность вышестоящим чинам («единомышленничество»). Неудивительно, что самими чиновниками за всем этим признается наличие определенной кастовости в отношениях [Гвоздева 2007, с. 32–33].

Представительный опрос и населения, и экспертов был проведен в июле 2007 г. в 14 субъектах РФ по выборке, разработанной в социологическом центре РАГС при Президенте РФ. Всего было опрошено свыше 2000 респондентов. Отметим ответы респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, сформировался высший слой административного руководства Вашего региона». На первом месте ответ – «к власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (41%). На втором месте (39%) вариант ответа весьма неопределенного характера: «в ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации». Наконец, третья ранговая позиция вполне откровенна и четка: «в этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (30%). Вполне реалистичен подход наших опрошенных на вопрос об их ожиданиях с приходом к власти новых людей. Выделены следующие факторы «пребывания в высших эшелонах власти»:

1. богатство, деньги – 47%;
2. профессионализм – 45%;
3. престижное образование – 30%;
4. лояльность политическому режиму – 28%.

Авторы исследования, проводившие аналогичный опрос в первой половине 1990-х гг., получили возможность сопоставить ситуации в начале реформ и к концу трансформационного периода. За 15 лет произошли изменения в источниках формирования региональных элит. Выходцы из партийно-советской номенклатуры постепенно отошли от рычагов управления, их осталось около 35%. В то же время примерно 30% позиций в региональной властвующей верхушке заняли но-

вые люди, прошедшие управленческую социализацию в постсоветское время. Но остается вопрос о преемственности поколений, о семейных и сословных связях, на который в данном изыскании нет ответа. Он не сводится лишь к ответу на вопрос о сохранности и влиянии прежней номенклатуры. Конечный вывод авторов таков: анализ «показывает гетерогенный характер элитного сообщества, действие разнородных механизмов генерирования лидерских и элитных групп и несформированность капитала социального влияния, позволяющего консолидировать общество» [Понеделков, Старостин 2008, с. 85–98].

В целом приведенные данные характеризуют нынешнюю «властную элиту» как замкнутую (закрытую) социальную группу, вхождение в которую с легкостью контролируется ее внутренними участниками. Наблюдения исследователей высшего чиновничества привели их к выводу, что профессионально-квалификационный потенциал власти на верхних этажах государственного управления падает, и одновременно идет сужение диапазона выбора кадров из профессиональных ниш и замена его политическими и клановыми назначениями.

Как известно, социальные привилегии – органичная часть этакратической системы – неизбежно входят в социальную политику этой системы. Сохранение и даже расширение оставшегося с советских времен вне рыночного распределения значительной части ресурсов, контролируемых государством, в качестве благ и услуг правящему слою является доказательством не буржуазно-демократического, а неоэтакратического характера социальной политики.

Весьма актуальную сторону непроизводительных издержек на чиновников рассмотрел известный банкир А. Лебедев. Он считает, что руководители государственных корпораций затрачивают миллиарды долларов в год для удовлетворения непомерных потребностей чиновников. «Все ваши часы за 2 миллиона долларов, виллы, заходы в ювелирные бутики известны, как и многомиллионные загулы в Давосе, которыми вы хвастаетесь в газетах. Разве трудно проверить в самых дорогих отелях, курортах, арендованных или купленных яхтах и VIP-самолетах ваши траты на миллиарды долларов за последние два-три года?» И А. Лебедев предложил Государственной Думе и Счетной палате создать комиссию по проверке административных расходов 20–30 ведущих государственных корпораций, где ежегодно и «пропадают» миллиарды долларов [Московский комсомолец, 24.02.2005]. Через три года совсем не обиженный судьбой и явно не из чувства зависти миллиардер А. Лебедев, так и не добившись никакой реакции на свои недоумения, вновь и еще острее написал о том же наболевшем. Речь идет о страшном сочетании, синтезе чиновника и бизнесмена. «Это новая живая материя. Должностное Лицо с Личными Бизнес-Интересами, или просто ДОЛБИН. И это серьезнее олигархии – ярлыка, приклеенного чиновниками-долбинами не связанными с ними бизнесменам.... Ежегодно, под Новый Год топ-менеджеры госкорпораций официально, «по-белому», выписывают себе бонусов на 7–10 млрд долларов. А еще больше кладут в карманы за счет незамысловатых гешефтов: откатов за кредиты и те же подряды, модный нынче «аутсорсинг», перевод акций кредитуемых объектов на родственников и т.п.» [Лебедев 2008, с. 4].

Доходы чиновников не исчерпываются официально получаемыми благами от государства. Их роскошные виллы и собственные дорогие автомобили постоянно

вызывают раздражение у сограждан. И если нередко судебные разбирательства с представителями бизнеса, то высшее чиновничество устойчиво защищено от выяснения подлинных источников своих сверхдоходов, а их источник общеизвестен – тотальная коррупция.

Проблемы коррупции в высших эшелонах власти столь подробно обсуждаются и в СМИ, и в интернете, что здесь мы не будем уделять этому вопросу заслуженного им внимания. Отметим, что уже многолетнее вокруг покупок должностных мест складываются довольно устойчивые «таксы». Так, по данным интервью, проведенным социологами в 2006 г., для окончательного утверждения на должность члена Совета Федерации (уже при наличии решения регионального законодательного собрания) нужно было заплатить около 2 млн. долл. Примерно такого же размера такса действовала для назначения на руководящие должности в ведущих министерствах (руководитель службы или агентства). По данным Фонда ИНДЕМ, стоимость назначения депутата на должность председателя комитета оценивалась в том же году в 30 тыс. долл. [*Барсукова (2) 2006, с. 9*].

Социальные приоритеты властных кругов со всей отчетливостью проявили себя в нетривиальных условиях мирового кризиса конца нулевых годов, весьма болезненно сказавшегося на России. Бесспорным приоритетом антикризисной государственной политики в РФ выглядело фактическое спасение «имущественных прав крупных собственников и банковской системы, что видно, в частности, на примере закона о снижении налогов. Вместо снижения НДС, которое коснулось бы всех, был снижен налог на прибыль; между тем в условиях кризиса большинство предприятий эту прибыль не получают, за исключением крупных монополистов-экспортеров (= компраторов, *О.Ш.*). Средний бизнес (которым по ряду оценок в значительной мере представлен высокотехнологичный сектор) в период кризиса оказался без поддержки». И далее тот же автор справедливо подчеркивает, что «крупнейшие компании в целом сегодня характеризуются низкой эффективностью и отсутствием у собственников и менеджмента достаточных стимулов к реструктуризации» [*Гаман-Голутвина 2011, с. 239–240*].

Отметим, что в стране во имя интересов альянса олигархических групп и высшего чиновничества всего лишь за десятилетие (нулевые годы) сложилась присущая многим слаборазвитым странам с доминированием сырьевого сектора экономика престижного потребления, для которой характерны застойность и зависимое развитие.

Медитократизм российской элиты

В 1993 г. я с огорчением писал о том, что реформы приходится проводить в стране, прошедшей через три революции, две войны и сталинские казематы, в стране с существующей практически до сих пор системой социальной мобильности, которая в основу социальной подвижности кладет не принцип профессионализма, интеллектуальные приоритеты, а угодничество, чиновничество. Можно сказать, что сложилось **медитократическое общество**, где власть принадлежит людям со

средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет элите вести общество за собой. «Власть прозевала», – писал 23 июня 1941 г. академик В.И. Вернадский. Нечто подобное продолжает повторяться, что свидетельствует об утрате властвующими структурами способности оценивать действительность [Шкартан, Коломиец 1993, с. 18] И эта характеристика не устарела. Надо полагать, что первоначально введенное мною как оборот речи понятие «медитократия» вполне может служить для обозначения характерологических свойств карьерной мобильности и формирования элиты как в этакратическом, так и в пост(нео)этакратическом обществах.

Что касается стран евразийского цивилизационного ареала, который является непосредственным предметом нашего анализа, то можно предположить, что в таких странах как Россия и другие неэтакратические государства роль меритократического принципа (т.е. социальной селекции по креативному критерию) в формировании элиты, пополнении ее рядов, в карьерной мобильности членов общества весьма слаба.

Чрезвычайно важно учесть, что постсоветские правящие группы не способны представлять общенациональные интересы; это связано, с одной стороны, с их преемственностью по отношению к советской номенклатуре, а с другой, с отсутствием в стране, в отличие, например, от Польши или Чехии, традиций массовой оппозиционной деятельности и формирования в обществе групп контрэлиты. Российской элите не присущи гражданственность и государственное мышление, она способна решать лишь свои краткосрочные проблемы. Ее незаинтересованность в разрешении ситуации с обнищанием большинства сограждан, ее безразличие к судьбам отечественной науки и инновационной экономики объясняется синдромом быстро обогатившихся людей, заботящихся только о себе и своем окружении. Такой ценностный «набор» во многом предопределяет не только существо, но и форму, методы осуществления государственного управления.

Примерами, подтверждающими только что сказанное, заполнена и наша печать, и Интернет. В мае 2010 г. в Междуреченске, в Кемеровской области, произошел гигантский взрыв, погибли десятки людей. Совладельцем шахты был миллиардер Р.А. Абрамович, но не он, а государственные структуры тут же устремились на помощь. Сразу из резервного фонда правительства были выделены крупные суммы на компенсации пострадавшим и их семьям. Ни одно должностное лицо в нашей стране в эти дни не произнесло всуе имя Абрамовича. Все словно забыли, что по итогам 2009 г. «Распадская» заплатила своим оффшорным владельцам 4 млрд руб. дивидендов, но при этом на шахте не были застрахованы ни оборудование, ни гражданская ответственность [Московский комсомолец, 20.05.2010]. Для сопоставления: невиданная по масштабам катастрофа на нефтяной платформе *British Petroleum* в Мексиканском заливе вызвала совсем другую реакцию у президента США Барака Обамы. Хотя компания по составу капитала и была реально американской, он потребовал покрытия всех расходов от корпорации и не выделил никаких средств из национального бюджета в помощь владельцам транснационального гиганта.

Другой пример. По данным, собранным видными экономистами В.Л. Иноземцевым и Н.А. Кричевским, в 2008 г. номинальная начисленная заработная пла-

та на металлургических предприятиях, принадлежащих отечественным олигархам, составляла скромные 18 000 руб. Здесь очевидным аутсайдером явился ОАО «РУСАЛ» Бокситогорск, принадлежащий любимому олигарху национального лидера О.В. Дерипаске – 14 133 руб., что для Ленинградской области ниже медианы. Впрочем, по соседству, в Пикалево он долгое время вообще не платил рабочим. Теперь обратимся к доходам менеджмента этих же компаний: оказывается «в штабах» этих металлургических гигантов средние заработные (месячные) платы составляли 732 000 руб., не считая управленческих расходов. Удельный вес дивидендов в чистой прибыли олигархических предприятий в том же 2008 г. достиг 80–82% (Оскольский электрометаллургический завод, объединение «Северсталь») и т.д. Вывод авторов этих расчетов таков: «...схема действий российских олигархов проста: в «тучные» годы они выводили все свободные средства в оффшоры..., не забывая экономить на собственных работниках. В кризис, предварительно выпотрошив свои предприятия и освоив приемы шантажа социальным недовольством, эти временщики пришли за помощью к государству». Достаточно напомнить, что решения о выплате дивидендов принимались до конца декабря 2008 г. Есть все основания считать, что хозяева сознательно оставляли свои предприятия без оборотных средств, столь необходимых именно в кризис, после чего обращались за помощью к государству [Иноземцев, Кричевский 2009].

Кстати, по данным журнала *Forbes* за кризисный 2009 г. число долларовых миллиардеров в стране выросло с 32 до 62 чел., что представляет уникальный результат в мире. В том же 2009 г. правительство выделило на антикризисные меры рекордную сумму в 4,6 трлн. руб. А по данным того же *Forbes* состояние российских миллиардеров и мультимиллионеров выросло на те же самые 4,6 трлн. руб. Очевидно, куда пошли средства рядовых налогоплательщиков. Неслучайно, что в России 1% самых состоятельных сограждан получает 40% всех доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% национальных богатств.

По достаточно надежным расчетам заслуживающих доверия экономистов, страна вполне располагает ресурсами, которые дали бы ей возможность эффективно и в кратчайшие сроки провести модернизацию экономики. Однако российские власти обычно замалчивают реальную цену модернизации и зачастую занижают размеры потребных вложений в обновление основных фондов. В печати чаще фигурируют в качестве ресурсов возможности, связанные с уменьшением «откатов», экономией нерациональных расходов федерального и местных бюджетов. Но все это составляет лишь малую часть требующихся средств. Получается, что искать ресурсы для ускорения экономического развития (при обеспечении при этом социальной стабильности) – задача не столь простая. Между тем, как показывает анализ, требуемые дополнительные средства могут быть получены в объеме не меньшем, чем 10,37 трлн. рублей за счет резкого сокращения социальной дифференциации, при котором ныне существующий децильный коэффициент был бы снижен с 30:1 до 6:1, то есть до показателя, существующего в большинстве западноевропейских стран. Нельзя не согласиться с тем, что огромный среднедушевой доход самой материально продвинутой группы населения за редкими исключениями заданы грабительским характером проведенной в 1990-е годы приватизации, позволив-

шей близким к власти и зачастую криминальным элементам нашего общества получить огромные богатства. Г. Ханин и Д. Фомин совершенно справедливо пишут: «Предлагаемая коррекция доходов представляет собой изъятие части нелегитимных богатств в пользу всего общества в чрезвычайной ситуации общенационального кризиса, вызванного во многом как раз деятельностью этой группы». Более того, по мнению этих же авторов, личные доходы рядовых граждан могут быть при этом существенно увеличены. Необходимость же таких со всей очевидностью далеко не популярных для многих сограждан мер вполне естественна и возможна в России в связи с тем, что «демодернизация является такой же угрозой национального существования, как и поражение в войне». [Ханин, Фомин 2011, с.45-60]

Об опасности отчужденной от основных интересов большинства населения элиты неоднократно писал крупнейший отечественный элитолог профессор Г.К. Ашин: «А как добиться того, чтобы элиты выражали интересы народных масс, а не привилегированных меньшинств? Или поставим вопрос еще острее: как миллионам людей обезопасить себя от эгоистических действий правящих групп. С одной стороны, ... выделение лидеров и элиты необходимы для упорядочения общественной жизни, ее регулирования, для уменьшения энтропии в социуме. Однако общество (точнее, его большую часть) подстерегает опасность превратиться в объект манипулирования элит, утратить свою субъектность. А для решения этой проблемы требуется создание гражданского общества, которое бы постоянно контролировало деятельность элит, чтобы в соответствии с конституционными нормами демократических государств народ стал подлинным субъектом социально-политического процесса.

Слишком часто элитой считаются люди, отнюдь не заслуживающие этого названия. Подлинная элита – это люди чести и совести, для которых главный приоритет – служение народу, это люди высокой культуры, способные разработать программу движения страны к процветанию. К сожалению, такой элиты Россия не имела ни до революции (были лишь отдельные периоды, когда в правящих кругах находились люди талантливые и бескорыстные, причем они были скорее исключением, чем правилом), ни после нее. Слишком настрадалась Россия от авторитарных, тоталитарных, коррумпированных элит. Правление Путина-Медведева не смогло пресечь разгул коррумпированной «элиты» и должным образом стимулировать развитие гражданского общества» [<http://www.reflexion.ru/club/6-04-10%20Ashin.doc>; см. также: Ашин 2005; Ашин 2010].

Известный экономист и политолог В.Л. Иноземцев отмечает, что Россией правит не лидер, а сплоченная номенклатурная группа, в которой не видно людей, отличающихся талантами и способностями. Эта группа не обнаруживает способности к «выбраковке» своих членов в случае их профессиональной непригодности: «...каждый из бюрократов понимает, что занял свое место не по меритократическому принципу, а в общем-то случайно... современная российская элита представляет собой сплоченную серую массу, которая рекрутирует новых членов по принципу ментального и интеллектуального сходства с нею самой» [Иноземцев 2007, с. 41–43].

Каков характер влияния таких «элит» на духовную и нравственную обстановку в обществе? Вот мнение писателя, историка литературы Л.И. Сараскиной:

«... Обеспечив себе высочайший, никогда не виданный в России уровень потребления, [высший слой (класс)] востребовал самые низкие сорта культуры, заменив ее досугом, искусство – индустрией развлечений, религию – клубом и сектой, веру – оккультизмом... Вся сфера культурного и даже духовного обслуживания стала ориентироваться на этот слой (класс), повсеместно насаждая его стандарты – пресловутый глянец и гламур» [*Сараскина* 2008, с. 46].

Среди отечественных аналитиков все чаще высказывается сомнение в корректности применения термина «элита» к российским правящим слоям. Отмечают, что правящие круги не обладают модернизационным потенциалом, что это группы людей, не прошедшие социального отбора, ничем не подтвердившие свои преимущества перед другими членами общества и т.д. Как отмечают видные наши социологи Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин, «важнейший социологический признак... элиты – ее открытость, то есть публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность)... Элита, а вернее, элиты не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей... Именно профессиональная группа или культурная среда должны засвидетельствовать ценность и оригинальность достижений данного кандидата на вхождение в состав элиты». Но эта концептуальная конструкция не имеет отношения к нашей отечественной практике. «Российская «элита» представлена лишь околовластными кругами, поскольку нет никаких других образований либо инстанций, санкционирующих авторитет кандидатов в элиту. Соответственно приходится говорить о ... «позиционной элите», то есть о номенклатуре» [*Гудков, Дубин* 2007, с. 76–77; *Гудков, Дубин, Левада* 2007].

Известный социолог Ж.Т. Тощенко, обсуждая качественные характеристики нынешней правящей верхушки, также отказывает ей в праве называться «элитой». Он подчеркивает, что «это группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам деятельности, такие понятия как «клики», «кланы», «касты». Разумеется, они претендуют на носителей общественных интересов. И мерой их циничности выступает постоянно внушаемое всем окружающим утверждение: если это выгодно им, то это выгодно и полезно для общества» [*Тощенко* 2000, с. 130–131] (более развернутую характеристику см. в [*Тощенко* 2001, с. 292–299]).

Автор добротных сравнительных исследований стран Балтии и России Р.Х. Симонян довольно четко подмечает, что «настоящая элита общества, в том числе и творческая, и научная, и политическая, – самая ценная его составляющая». Однако правящая верхушка современной России отнюдь не отвечает такому критерию. Более того, реальное поведение ее представителей, принимаемые ими решения никоим образом нельзя трактовать, как отвечающие национальным интересам нашей страны. «Приказом о назначении или снятии с поста формируется номенклатура, но не элита». Стоит ли говорить о том, что когда именно по такому принципу происходит отбор в правящую верхушку, в нее попадают не те, кто искренне стремится реализовать свои таланты и идеи на благо государства, а те, кто использует высокое положение в узких сугубо личных интересах и кто «ничего не потеряет, если России не будет ... переедут в Испанию, Французскую Ривьеру,

Калифорнию или Флориду, где уже заблаговременно приобретена недвижимость» [Симолян 2006, с. 97–98].

Суммируя все вышесказанное, можно заключить, что проблема современной российской элиты – за формированием таких сил в составе влиятельных кругов российского общества, которые смогут выразить интересы не неонеоменклатуры, а складывающегося нового среднего класса и национальной буржуазии и трансформировать авторитаризм застоя и выживания в авторитаризм национального развития. Иными словами, для успешной модернизации всего общества необходимо не только обновление состава властвующих элит, но и формирование принципиально иных приоритетов в экономической и социальной политике, обращенной в первую очередь к интересам наиболее прогрессивной части общества. Пока же мы, к сожалению, реально наблюдаем, как основные политические и экономические ресурсы нашей страны эффективно реализуются ради обеспечения краткосрочной выгоды узкого круга лиц, малокомпетентных и мало озабоченных будущим собственной страны.

За 20 лет после начала реформ, целью которых было создание в нашей стране предпосылок для становления эффективной демократической политической системы и конкурентной рыночной экономики, так и не произошло качественного изменения в составе высших слоев российского общества. Более того, в 1994–2010 гг. шел процесс вытеснения демократов и замещения их представителями, прежде всего, силового блока советской номенклатуры. Изменилась лишь подчиненность в отношениях между политическими правящими кругами и крупными собственниками: если до кризиса 1998 г. бизнес во многом определял характер решений, принимаемых на государственном уровне, то в 2000-е гг. закрепилась обратная тенденция – подчинение бизнеса государству. Абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов и, прежде всего, над стратегическими отраслями экономики вновь, как и в советское время, сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников – менеджеров государственных корпораций. Как отмечал известный аналитик и историк российского крупного капитала Я.Ш. Паппе: «...поддержка крупного бизнеса была на протяжении большей части 1990-х гг. необходимым фактором сохранения политического строя и политической элиты. И лишь с конца 1999 г. ситуация значимо изменилась и стала ассиметричной: для крупного бизнеса отношения с государством все еще жизненно важны, для государства – уже нет» [Паппе, Галухина 2009, с. 76].

Мое восприятие нынешней российской элиты исходит из убежденности в ее преимуществах по отношению и к советской номенклатуре, и к элите времен царизма как в сфере внутренней политики, так и в выборе внешнеполитических ориентиров. Отсюда и опорные точки в самоидентификации элиты России времен Путина-Медведева.

Очевидно, что ядро российской элиты объединяет отказ от ожидаемой страной смены экономической парадигмы с рентоориентированного поведения на поведение, ориентированное на инновационные преобразования в экономике. В социальной сфере правящие группы сопротивляются смене доминирующей парадигмы (восприятие населения как возобновляемого ресурса, численно избыточного в условиях сырьевой экономики, и преобладание потребления зарубежных

благ и услуг) на принятую в цивилизованном мире парадигму: население – это человеческий капитал, человеческий потенциал, который является стратегическим ресурсом создания модернизированной страны и возобновляемых экономических благ. В политической сфере российская элита упорно придерживается идеи священности власти и ее носителей при восприятии народа как объекта (а не субъекта) управления и политтехнологических манипуляций. Она сопротивляется переходу к парадигме, рассматривающей власть как выразителя и арбитра плюралистических интересов основных групп населения страны, этическим императивом которой выступает рациональное самоограничение.

В связи со сказанным современная российская элита испытывает трудности с идентификацией в мировом и региональном пространствах. Ее экономические интересы, как, кстати говоря, и экономические интересы самой страны требуют устойчивого взаимодействия, прежде всего, с Европой, но здесь возникают наибольшие напряжения, связанные с качественно различными ценностными системами, касающимися прав и свобод граждан, гуманизации жизни. Отсюда раздвоение между естественным тяготением к Европе и устремлением к формированию собственной державности как самостоятельного центра мирового влияния. Отсюда и сохранность имперского, а не этнонационального мышления как доминанты в определении своего места в мировом геополитическом пространстве. Эта элита сочетает антизападничество и особенно антиамериканизм со стремлением уподобиться западной элите, войти на равных в ее состав. В этом унижительном стремлении к уподоблению представители российской элиты опираются на общность интересов с транснациональными капиталистическими кругами, на огромные собственные капиталы и контролируемые государственные ресурсы. Противоречивость положения правящих групп России приводит к усиливающимся устремлениям в сторону союза с Китаем и государствами-маргиналами (Иран, Венесуэла и т.д.). Слабая линия идентификации, как ни странно, наблюдается относительно, казалось бы, абсолютно естественного лидерства на постсоветском пространстве.

Для успешной модернизации всего общества необходимо не только обновление состава властвующих элит, но и формирование принципиально иных приоритетов в экономической и социальной политике, обращенной, в первую очередь, к интересам прогрессивной части общества, национальной буржуазии (средним предпринимателям) и профессионалам.

Естественным антагонистом российской бизнес-элиты и переплетенных с нею чиновничьих верхов выступает отечественная национальная буржуазия, тесно связанная с национальной промышленностью и замкнутая на внутренний рынок. Она не располагает ни властной, ни природной рентой. Среди ее специфических черт исследователи отмечают преимущественную ориентацию на внутренние рынки сбыта, рачительное отношение к национальным ресурсам, стремление к улучшению промышленного и человеческого потенциала страны. Для нее также характерны отсутствие сколько-нибудь выраженной зависимости от иностранного капитала и внешних центров политического влияния, инвестиции большей части прибыли в национальное производство. По самым оптимистическим расчетам, их вес в национальной экономике недостаточно значим (около 24% ВВП и 12,8% экспорта). Объективно интересы российской национальной буржуазии, ориентиро-

ванной на развитие технологически сложных отраслей экономики и качественное расширение внутреннего рынка сбыта, совпадают с интересом большинства россиян. Однако эта часть предпринимателей не входит в состав элиты, и ее интересы, система ценностей, ментальность не только не совпадают, но и противостоят интересам и ценностям элиты.

Как показывает опыт других стран, как к западу, так и к востоку от России, ключевой проблемой является выдвижение на первый план в системе формирования элит такого принципа социальной селекции как *меритократизм*, с тем чтобы одаренные люди, которые смогли получить доступ к хорошему образованию, реально получили преимущества в социальном продвижении. Это резко отличает принцип социально-экономической организации постиндустриальных (информационных) обществ от классического капитализма и современного этакратизма (пример – Россия), где материальные и культурные преграды стоят на пути выходцев из низов и динамичных представителей среднего класса и где доминирует принцип наследования материальных богатств и социальных связей.

Известно, что в этом отношении наиболее продвинуты страны с социальной рыночной экономикой. Как писал Г.В. Колодко: «Стоит сравнить с англосаксонской системой опыт социальных рыночных экономик северных стран, от Финляндии и Скандинавии до Исландии». В этой связи он приводит следующий пример. Группа авторов распределила страны по шкале от единицы до нуля. В первом случае доход детей определяется доходом родителей. Во втором – доход детей не находится в какой-либо связи с доходом родителей. В северных обществах соответствующий коэффициент для детей составляет 0,2, тогда как в Великобритании – 0,36, а в США – уже 0,54. Вывод автора таков: «Страны с социальной рыночной экономикой и соответствующей социальной политикой – и в результате с несколько более высокими налогами – принципиально разорвали связь между доходами родителей и детей. США со своей фундаменталистски рыночной экономикой и неоконсервативной политикой – ничуть» [Колодко 2009, с. 299].

В качестве примера реализации меритократического принципа может быть взята Финляндия. Здесь государство своим участием обеспечивает школьникам одинаковые права на получение качественного образования. Принцип, согласно которому хорошая и добросовестная учеба становится основным залогом успеха в жизни, культивировался в обществе целенаправленно и фактически превратился в национальную идею. В результате в Финляндии среди студентов высших учебных заведений (как нигде в Европе) высока доля выходцев из низших слоев общества, причем, каждый из них получает от государства по 400 евро в месяц. В Финляндии сегодня поразительно пологий «социальный градиент», то есть качество образования, полученного детьми, почти не зависит от «образовательного ценза» их родителей. Кухарки и там не управляют государством, но их дети, если у них есть способности, могут со временем занять ключевые позиции в науке и экономике. «Лифт», выносящий наверх детей из самых низов общества, в Финляндии работает как нигде безотказно [Волков 2009, с. 5–13; Химанен, Кастельс 2002].

Мы здесь не касаемся проблем существующего в России политического режима: при некоторых расхождениях ни один профессионал не сочтет его демократическим. Вопрос лишь в перспективах развития. На данном этапе динамики

мировой экономики либеральный капитализм пока не подтверждает своих преимуществ по сравнению с авторитарными системами. Кризис конца нулевых годов укрепил легитимность авторитарных режимов, которые, как оказалось, при эффективном правлении вполне обеспечивают успешную экономическую динамику.

Как отмечает известный политолог Параг Ханна, политические лидеры во всем мире сталкиваются с требованиями обеспечить экономические свободы, социальное равенство и политическую прозрачность, но совсем не обязательно демократию. Все большее число авторов, особенно из развивающихся стран, развивают мысль о том, что «хорошее управление» может предполагать не менее эффективную защиту прав личности, чем демократия. В Африке недавно был сконструирован первым африканским миллиардером, телекоммуникационным магнатом из Судана Мо Ибрагимом «Индекс Ибрагима». Соответственно ему индикаторами «хорошего управления» являются:

1. безопасность и защищенность;
2. власть закона;
3. прозрачность и отсутствие коррупции;
4. устойчивое экономическое развитие и умножение человеческого капитала.

Таким образом, в этом индексе нет связи эффективности с демократией. «На примерах Китая, Сингапура, Малайзии и Вьетнама четко видно, эффективное промышленное развитие может происходить без всяких предварительно созданных демократических институтов» [Ханна (1) 2010; Ханна (2) 2010, с. 103, 104].

В России взгляды, которых придерживается Параг Ханна, давно уже не новы. Их сторонники именуют обычно оптимальный для страны режим – режимом авторитаризма развития, реже по аналогии с историческим опытом – просвещенным авторитаризмом. Так, В.А. Красильщиков отмечает: «Модернизация в России возможна только как авторитарная, особенно на первых порах. Демократическая модернизация по примеру сегодняшних Бразилии и Чили невозможна по причине отсутствия консенсуса в обществе по поводу модернизации, эгоизма верхов, инертности низов и неразвитости гражданского общества. В то же время настоятельно необходима деприватизация государства на всех уровнях. Без этого государство не станет государством развития» [Красильщиков 2009, с. 159]. Для молодежи России (поколение 20-летних) мягкий авторитарный режим, если он обеспечивает власть закона, отсутствие коррупции, индивидуальный успех, карьеру, комфорт и качество жизни, вполне приемлем.

Литература

Ашин Г.К. Элиты и элитология // <http://www.reflexion.ru/club/6-04-10%20Ashin.doc>.

Ашин Г.К. Курс истории элитологии // www.gumer.info/bibliotek_bus/Polit/Ashin/04

Ашин Г.К. (2005) Элитология. Учебное пособие. М.: МГИМО.

Ашин Г.К. (2010) Элитология. История, теория, современность. М.: МГИМО.

Барсукова С.Ю. (1) (2006) Власть и бизнес: новые правила игры // ПОЛИС. № 6.

Барсукова С.Ю. (2) (2006) Стратегии сращивания власти и бизнеса // Свободная мысль. № 3.

- Белковский С. (2011) Союз жуликов и воров перешел в наступление // Московский комсомолец. 27 апреля.
- Вишневский В. (2006) Пятый вид собственности: президентская // Новая газета. 21 августа.
- Волков А. (2009) Детям до 16 лет разрешается: финское чудо // Знание – сила. № 9.
- Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.А. (2011) Российский истеблишмент: пути и методы обновления // ПОЛИС. № 1.
- Гаман-Голутвина О.В. (2011) Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительном измерении. Под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН.
- Гвоздева Е. (2007) Высший слой российского чиновничества: автопортрет // Социальная реальность. № 1.
- Гонтмахер Е.Ш. (2007) Социальные угрозы инерционного развития // Pro et Contra. № 4–5.
- Гонтмахер Е.Ш. (2008) Коэффициент ненависти // Московский комсомолец. 25 января.
- Гонтмахер Е.Ш., Малева Т.М. (2008) Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. № 2.
- Гудков Л.Д., Левада Ю.А., Левинсон А.Г., Седов Л.А. (1988) Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений // Коммунист. № 12.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. (2007) Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. (2007) Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et Contra. № 3.
- Гудков Л.Д. (2009) Условия воспроизводства советского человека // Вестник общественного мнения. № 2.
- Дука А.В. (Отв. ред.) (2001) Властные элиты и номенклатура. Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. СПб.: Журнал социологии и социальной антропологии.
- Ершова И.С. (1994) Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. Вып. 1. М.: Интерпракс.
- Иноземцев В.Л. (2007) Природа и перспективы путинского режима // Свободная мысль. № 1.
- Иноземцев В.Л., Кричевский Н.А. (2009) Россияне сполна заплатят за олигархов // Московский комсомолец. 19 августа.
- Колодко Г.В. (2007) Этика в бизнесе, экономике и политике // Вопросы экономики. № 11.
- Колодко Г.В. (2009) Мир в движении. М.: МАГИСТР.
- Кордонский С.Г. (2000) Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: О.Г.И.
- Красильщиков В.А. (2009) Модернизация: Зарубежный опыт и уроки для России // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 1. Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества.
- Крыштановская О.В. (1) (2002) Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. № 4.
- Крыштановская О.В. (2) (2002) Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. № 4.
- Куликов О.А. (2007) Как сделать нефть народной // Правда. Специальный московский выпуск. Сентябрь.
- Лебедев А.Е. (2008) Смертельное недоверие-3: что делать с ДОЛБИНАМИ? // Московский комсомолец. 11 апреля.
- Паппе Я.Ш., Галухина Я.С. (2009) Российский крупный бизнес. Первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008. М.: ГУ-ВШЭ.
- Пастухов В.Б. (2009) Медведев и Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию // ПОЛИС. № 6.

- Понеделков А.В., Старостин А.М. (2008) Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // ПОЛИС. № 6.
- Сараскина Л.И. (2008) Русский ум в поисках общей идеи // Свободная мысль. № 1.
- Сафронов А. (2009) Компрадорская буржуазия и проблемы экономической отсталости // Свободная мысль. № 12.
- Сафронов А. (2007) Концепция «сильного государства» и фракционная борьба российской правящей элиты // Свободная мысль. № 4.
- Симонян Р.Х. (2006) В начале было слово // Свободная мысль. № 3.
- Тощенко Ж.Т. (2001) Парадоксальный человек. М.: Гардарики.
- Тощенко Ж.Т. (2000) Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. № 11.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2011) Деньги для модернизации. Сколько нужно и где их взять // Свободная мысль. № 1.
- Ханна П. (1) (2010) Второй мир. М.: Изд-во «Европа».
- Ханна П. (2) (2010) Демократия или эффективность: вызов XXI века // Свободная мысль. № 8.
- Химанен П., Кастельс М. (2002) Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М.: «Логос».
- Чирикова А.Е. (2003) Рецентрализация и феномен губернаторской власти // Заславская Т.И. (отв. ред.) Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М.: МВШСЭН.
- Чирикова А.Е. (2008) Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // ПОЛИС. № 6.
- Шкаратан О.И., Фигатнер Ю.Ю. (1992) Старые и новые хозяева России // Мир России. № 1.
- Шкаратан О.И., Коломиец В.П. (1993) Крах во спасение (Социально-генетические преемственности советского режима) // Мир России. № 1.
- Яковлев А.А. (2003) Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России // Мир России. № 4.
- Яковлев А.А. (2006) Агенты модернизации М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
- Lane D., Ross C. (1998) The Russian Political Elites, 1991–95: Recruitment and Renewal / Higley J., Paculski J., Wesolowski W. (eds.) Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe. N.Y.: St. Martin's Press, Inc.
- Lane D. (ed.) (2007) The Transformation of State Socialism. System Change? Capitalism or Something Else? Palgrave Macmillan.